

Цинь Инун спросила:

— Ниннин хорошо адаптируется в детском саду?

Цзи Шулань широко улыбнулась, услышав, как Ниннин снова и снова повторяет:

— Адаптируется, адаптируется!

Учительница даже позвонила домой, чтобы похвалить её, сказав, что Ниннин невероятно умная и учится быстрее других детей.

Старушка даже забыла поесть, высыпая еду, словно фасоль из бамбуковой трубки.

— В прошлый раз школа раздавала книги и учила детей простым иероглифам. Учительница настоятельно просила родителей помогать детям повторять пройденное. Ниннин очень дисциплинированная. После ужина она легла читать и писать, не говоря ни слова. Я боялась, что она станет близорукой, ведь она так любит учиться...

Цинь Инун улыбнулась и сказал:

— Не подходи слишком близко, всё будет в порядке.

Цзи Шулань:

— Поэтому я обычно уделяю внимание тому, чтобы поправлять её. О, и она также изучает английский, получает двуязычное образование, умеет считать от одного до десяти и может назвать яблоки и апельсины.

Цинь Инун поддержала её подбородок и улыбнулась:

— Правда? Я проверю её позже.

Тётя Фан, которая до этого молча ела, молча положила кусок мяса в миску Цзи Шулань. Она избегала взгляда Цинь Инун, глядя только на Цзи Шулань. Она прошептала:

— Давай сначала поедим?

Цзи Шулань приоткрыла рот, словно хотела продолжить, но её взгляд был прикован к мясу в миске, что придавало ей лёгкое смущение. Цинь Инун улыбнулась и добавила:

— Сначала поешь, а потом поговорим. Думаю, на этот раз я останусь дома подольше.

Только после этого Цзи Шулань смогла спокойно насладиться обедом.

После ужина тётя Фан убрала посуду. У них была посудомоечная машина, но она привыкла мыть посуду вручную. Цинь Инун, увидев это, промолчала. В их возрасте им было трудно принять новое. Большинство этих автоматических устройств стали просто декорацией, и они больше не могли найти себе хобби, чтобы скоротать время, как в молодости. С другой стороны, домашние дела придавали им чувство большей уверенности.

Цзи Шулань вернулась в свою комнату и принесла тетрадь Ниннин для проверки Цинь Инун. Почерк у девочки был корявый, крупный, округлый и очень милый. Цинь Инун улыбнулась и сказала:

— Ты писала очень аккуратно.

Цзи Шулань вздохнула с облегчением.

Мать и дочь некоторое время молчали.

Им, по сути, было не о чем говорить друг с другом. Поколения разделяли их, словно горы. Во-первых, из-за детских привычек Цзи Шулань приходилось зарабатывать деньги, чтобы содержать семью, и у неё не оставалось сил на эмоциональное общение с детьми. Во-вторых, жизнь Цинь Инун была так далека от её собственной. Порой, глядя на гламурную знаменитость на экране, Цзи Шулань невольно задумывалась, не её ли это дочь, эта Цинь Инун. Словно, не успев толком разглядеть дочь, она уже выросла, стала странной, но в то же время сильной, способной взять на себя всю семью, не давая ей сойти за порог всех взлётов и падений.

Она чувствовала себя виноватой перед дочерью. Её сестра недолгое время наслаждалась семейной любовью, но к её рождению семья была полна бесконечных ссор и безразличия. Они с сестрой были близки с детства, почти до такой степени, что полагались друг на друга, чтобы выжить, но в конце концов сестра...

Цзи Шулань смутно чувствовала, что причина, по которой Цинь Инун играла с жизнью, вела хаотичную личную жизнь и имела дурную репутацию за пределами дома, заключалась главным образом в том, что она и её сестра оказывали на неё очень дурное влияние.

Но Цзи Шулань снова подумала, что быть плейбоем лучше, чем получить серьёзную травму. По крайней мере, она не пойдёт по стопам сестры.

— Ниннин...

Пальцы Цинь Инун, висящие вдоль тела, слегка шевельнулись. После долгого молчания она решила поговорить на общую тему, которая могла бы их заинтересовать.

Температура поднималась с каждым днём, и от сытости и тепла хотелось спать. Разговаривая, Цзи Шулань невольно зевала, на глаза наворачивались слёзы. Цинь Инун тихо и бесшумно вздохнула и в нужный момент предложила:

— Мама, тебе стоит вздремнуть. Я позвоню тебе позже, и мы вместе заберём Ниннин.

Цзи Шулань также почувствовала, будто выпустила из рук камень.

Она послушалась и вернулась в свою комнату, чтобы отдохнуть.

Цзи Шулань пожилая и с трудом передвигается, поэтому её спальня находится на первом этаже. Цинь Инун смотрела, как её спина исчезает за дверью, и какое-то время сидела там. Внезапно её пальцы непроизвольно дрогнули, и инстинктивно нахлынула тревога.

Цинь Инун снимается уже много лет, практически не покидая съёмочную площадку. Без съёмочных сцен и хлопков сценариста, кричащих «Мотор!», она часто чувствует себя потерянной, не зная, что делать. Проще говоря, она настолько затерялась в драмах, в которых играет, что не может жить своей жизнью. Она на самом деле не хочет жить своей жизнью, предпочитая быть затерянной в драмах до конца своих дней.

На этот раз, на Каннском кинофестивале, она познакомилась с режиссёром Хань Юйпином,

чей фильм вошёл в шорт-лист. Хань Юйпин стал её наставником на всю жизнь. Если бы слово «отец» не было для неё уничижительным, Хань Юйпин был бы её вторым отцом. Хань Юйпин был острым и чувствительным человеком. Едва увидев её, он понял, что её силы на исходе. Он тут же бросил на неё сердитый взгляд и отругал:

— Возвращайся на родину и отдохни!

Цинь Инун была встревожена, налила ему бокал вина и мягко улыбнулась:

— Мой рынок здесь только что открылся, и многие директора ищут меня. Было бы жаль возвращаться домой сейчас.

Хань Юйпин не поверил. Он отмахнулся от неё, его лицо было побагровевшим:

— О чём ты говоришь? Убирайся отсюда! Если продолжишь снимать, я попрошу кого-нибудь похитить тебя со съёмочной площадки!

Цинь Инун: ...

Хань Юйпин, сначала настойчиво, а затем вежливо, беспристрастно посоветовал ей:

— Актёр всегда должен быть погружён в реальную жизнь. Жизнь бесконечна. Как бы ты ни была талантлива, если будешь продолжать в том же духе, рано или поздно ты исчерпаешь накопленные знания. Когда ты больше не сможешь играть, что ещё ты сможешь сделать?

Цинь Инун усмехнулась и отпила глоток шампанского, сказав «да», но она была полна решимости сделать вид, что подчиняется Хань Юйпину, чтобы на самом деле он не захотел её похитить.

Хань Юйпин с первого взгляда понял её насквозь. Его суровый вид исчез, и он принял облик обычного старца. Он серьёзно сказал:

— Я знаю, ты не хочешь возвращаться в реальность и избегаешь её, но ты должна хотя бы дать себе шанс. Отдохни немного, и, возможно, ты обнаружишь, что в жизни есть вещи поинтереснее, чем съёмки.

Улыбка Цинь Инун постепенно исчезла, и она посмотрела на него бесстрастно.

Хань Юйпин серьёзно посмотрел на неё и с волнением сказал:

— Просто думай об этом, как будто твой дядя умоляет тебя.

Цинь Инун долго молчала, её глаза постепенно увлажнились. Она отвернулась и хрипло сказала:

— Дай-ка я попробую.

Цинь Инун встала и походила, пытаясь найти себе занятие. Наконец, она принесла ей стопку сценариев, которую принесла из кабинета Ань Лин. Глядя на толстую стопку, Цинь Инун невольно рассмеялась, подумав, что, если бы Хань Юйпин узнал, что она снимает или читает сценарии, он бы, наверное, так разозлился, что волосы встали дыбом.

Как раз собираюсь открыть первую страницу...

Телефон на журнальном столике завибрировал.

Гуань Хань: [Лекарство прибыло]

В оцепеневший мозг Цинь Инун словно влили толику жизни. Три слова «Ган Жояо» защемили у неё в горле и сердце, заставив вскипеть холодную кровь.

Цинь Инун не смогла сдержаться, поперхнулась, отложила сценарий в сторону, легко вздохнула и напечатала: [Как вы это отправили?]

Гуань Хань: [Я попросила Жуань Цинь доставить его, но сама не пришла. Сейчас я у ворот жилого комплекса госпожи Яо.]

Гуань Хань села в машину, опустила голову и продолжила печатать, не ожидая, что на её телефоне появится интерфейс вызова.

— Как у неё повреждено лицо?

Голос Цинь Инун в телефонной трубке звучал холодно и отстранённо, без всякого намёка на маскировку.

— Жуань Цинь сказала, что он исчез.

— Ты уверен, что она говорит правду?

— Она не посмела бы солгать, даже если бы её оставили одну, - Сказала Гуань Хань.

— У госпожи Яо завтра съёмка для журнала, и ей придётся пойти с ней. Если бы у неё было что-то не так с лицом, она бы, наверное, перепугалась до смерти.

— Яо-Яо что-нибудь ей говорила? Предупреждения или что-то в этом роде?

Гуань Хань помолчала и сказала:

— Нет.

Цинь Инун устало вздохнула.

Гуань Хань пошевелила губами, но ничего не сказала.

Надолго.

Цинь Инун сказала:

— Забудь об этом. Просто избежь Жуань Цинь. Если она в следующий раз пошевелит рукой, я её покалечу.

Гуань Хань колебалась:

— А как же саркастические замечания?

Должно быть, Жуань Цинь потребовалось время, чтобы дойти до физической атаки.

Цинь Инун холодно сказала:

— Если она продолжит так мириться, смогу ли я остановить её?

Гуань Хань молчала.

Цинь Инун нахмурила брови и лениво сказала:

— Давайте пока оставим всё как есть. Надеюсь, всё в порядке.

Она завершила разговор.

Хань Юйпин ошибался в своих словах. Она давно уже нашла в жизни нечто более интересное. Она нашла свою Нетландию.

Тан Жояо - её Нетландия, но она не Питер Пэн и не может жить здесь вечно.

Сейчас её больше всего беспокоит то, что она покинет Тан Жояо, а та лишится защиты и не сможет противостоять тяготам внешнего мира в будущем.

Жуань Цинь ушла в тревоге. Она ещё несколько раз хотела поговорить с Тан Жояо, прося её заступиться за неё перед Цинь Инун. Но лицо Тан Жояо было таким холодным, таким ледяным, что от него отваливались куски льда, что она испугалась и не посмела сделать шаг вперёд.

Тан Жояо большую часть времени была в добром расположении духа, но бывали и минуты нетерпения. Она чувствовала, что если не попросит Жуань Цинь уйти, то это уже конец. Жуань Цинь постояла у двери минуту, протянула ей мазь, взглянула ей в лицо и исчезла из виду.

Тан Жояо бросила мазь на журнальный столик, даже не взглянув на неё, и продолжила смотреть документальный фильм.

Она не знала, было ли это связано с тем, что её внимание было прервано Жуань Цинь, или по какой-то другой причине, но Тан Жояо совершенно не могла сосредоточиться. Приятный баритон из телевизора произнёс следующее предложение, а она забыла предыдущее.

Тан Жояо нажала на паузу, откинулась на спинку дивана и тяжело вздохнула. Она мельком увидела коробку с мазью на журнальном столике и по какой-то неизвестной причине снова взяла её в руки.

Эта коробка с мазью очень странная.

Нет никакой упаковки, даже брэнда.

Тан Жояо открутила крышку и понюхала. Аромат был очень слабым, совсем не похожим на запах обычных мазей.

Она нанесла немного крема на тыльную сторону ладони и распределила. Крем был прозрачным и прохладным на ощупь.

Тан Жояо вспомнила нервное, паническое выражение лица Жуань Цинь, когда она стояла у двери. Что-то мелькнуло в её голове, и она поняла. Откуда у Жуань Цинь эта мазь? Травмы во время съёмок были обычным делом, так почему же она не дала ей её раньше?

Она держала это при себе, а теперь должна отдать ему? Или... кто-то её проинструктировал?

Тан Жояо не думала, что Жуань Цинь могла прийти в голову такая мысль. Когда она подумала, что последнее предположение наиболее вероятно, её сердце забилося неудержимо.

Гуань Хань - очень способный человек, и это также отражается в том факте, что если Цинь Инун не поручила ей что-либо сделать, она никогда не будет действовать самостоятельно.

Тан Жояо так нервничала, что у неё вспотели ладони. Она взяла телефон, стоявший рядом, кончики пальцев слегка дрожали. Она допустила несколько ошибок при наборе номера, прежде чем отправила полное и точное сообщение.

Гуань Хань возвращалась домой, когда завибрировал её мобильный телефон. Она открыла его, и у неё перехватило дыхание.

Тан Жояо: [Моя сестра просила тебя принести мне мазь?]

Автору есть что сказать:

Малый театр:

Гуань Хань (её руки слегка дрожат, когда она держит большое красное яблоко, которое она ещё не съела): Я была разоблачена, уууууу.

Цинь Инун: Всё в порядке, меня ещё не разоблачили.

Гуань Хань (холодно): Ты тоже почти у цели.

Цинь Инун: Ого, ого, ого, так меня можно съесть? Я столько лет воздерживалась. QAQ

Гуань Хань: ...

Авторский закадровый голос: Моей сестре почти тридцать~

<http://bllate.org/book/14118/1241706>